

Весенний, праздничный вид принимают наши города и села. Теплая погода почти всюду зазеленила улицы, площади, сады, парки, открылись первые ларьки цветочниц, бойко торгуют магазины...

Разбег

Установлено как будто, что весна в Ленинграде не блещет яркостью красок. Серенькая, мягкая, туманная, она вводит обычно в город медленно, не смело, почти незаметно...

Установлено как будто, что весна в Ленинграде не блещет яркостью красок. Серенькая, мягкая, туманная, она вводит обычно в город медленно, не смело, почти незаметно...

Установлено как будто, что весна в Ленинграде не блещет яркостью красок. Серенькая, мягкая, туманная, она вводит обычно в город медленно, не смело, почти незаметно...

Установлено как будто, что весна в Ленинграде не блещет яркостью красок. Серенькая, мягкая, туманная, она вводит обычно в город медленно, не смело, почти незаметно...

К 70-летию со дня рождения Г. Тукая

КАЗАНЬ. (Наш корр.). Выдающийся классик татарской литературы поэт Габдулла Тукай принадлежит к славному плеяде писателей — борцов за свободу. Он наиболее полно и глубоко отразил в своем творчестве думы и чаяния своего народа.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 51 (3552) Суббота, 28 апреля 1956 г. Цена 40 коп.

Сельская новь

„Возвращенцы“ Иван ЕГОРОВ, собственный корреспондент „Литературной газеты“

За восемь месяцев, с августа прошлого года по март нынешнего года, в малое село Рокотино, Городищенского района, Сталинградской области, пришло 150 семейств. Просят принять в члены колхоза. Что за люди?

Пятьдесят семейств — коренные рокотинцы, говорят, что соскучились по родным местам. Уходили они из колхоза в разные годы по разным причинам. Главная из них — город звал на большие стройки, на большие заработки, в колхозе же доходность была невысокая и неустойчивая.

Вперемежку с „возвращенцами“ пришло еще сто семейств, которые ранее никогда не были в этих местах. Среди новиков — много жителей Сталинграда, прописанных в Краснооктябрьском, Кировском, Красноармейском районах города. Рабочие, служащие, члены промышленных артелей, в прошлом — колхозники. Строили они заводы, железные дороги, плотины, каналы, пристани, многоэтажные дома, асфальтировали площади, добывали камни в карьерах, рубили лес...

Рокотинцы допытываются: — А как же это вы, дорогие гости, решили бросить свою тамошнюю строительную работу? Может, все уже построили, на шестую пятилетку и дела не осталось? Или там заработки снизились?

— Нет, — отвечает гость, — заработки не снижались, и работы всем хватает. Но могут там обойтись и без нас. Машин там всяких полно — тракторы, механизация, одним словом, — Машин и у нас в колхозе да в МТС хватает, у нас тоже механизация.

— Значит, люди вам не нужны? — Мы этого не говорим. Обсудим... Люди колхозу крайне нужны. А встречают рокотинцы гостей без особого энтузиазма только по той причине, что расселять их негде, — жилья не хватает.

В прошлом году, когда стал замечаться этот приток „возвращенцев“ и новичков, правление колхоза решило выстроить для них двадцать пять небольших домов. Обшарпанная — Сталинградский областного строительного треста, оговорили сроки: к зиме дома будут готовы. С тех пор и по сей день представители треста даже не появлялись в колхозе. Стало быть, рассчитывать на трест нельзя, надо строить своими силами.

Пятьдесят семейств поселили на временно занятые в колхозах-старожилках, у которых дома простояли. Объявляя эти семьи разместили по хатам, где никакой жилищной площади не применялось. Как-нибудь проживем, в тесноте, да не в обиде.

Разумеется, не во всяком перенаселенном доме жить протескает тихо и мирно. Утесненные старожилы иногда ворчат на новичков. — Шатались там где-то, гонялись за длинным рублем, а теперь свалились, как снег на голову.

— Да ведь мы же пришли для укрепления колхозов. Директивы такие есть. — Директивы... А раньше не было что ли директивы? — Были, конечно. Только нынешние директивы — самые подходящие для колхозной жизни.

Все принятые в колхоз сразу же стали на работу, получили хлеб, картофель, овощи, а по истечении месяца — денежные авансы по выработанным трудоядкам, на общих основаниях со старожилами.

Последующие группы новичков, общим числом около пятидесяти семейств, не были приняты колхозом из-за недостатка жилищной площади. Люди двинулись дальше, в другие колхозы, в другие районы. Дороги весной портятся, езда с полупустым транспортом нелегка. А люди едут. Не бедность, не безработица заставляют их ехать из города в деревню. Тага эта — живый, реальный отклик на исторические решения партии по вопросам колхозного строительства. Меняется обстановка в колхозах, и народ отлично понимает это.

Семеро отставных В колхозе проживают семь бывших председателей этого колхоза. „Возвращенцы“ навещают отставных руководителей, каждый своего, то есть того, при котором колхозник уходил из колхоза. — Ну как живем-можем, Иван Степанович? — Да так вот и живем, хлеб жум. Ни шатко, ни валко. В общем и целом трудимся, от работы не бегаем, как иные прочие...

Отставные укоризненно поглядывают на „возвращенцев“. Дескать, удрали в трудный год, повзели. Может, из-за вас, судьи-гавки, и не удержался добрый человек в руководстве. „Возвращенцы“ хитрово улыбаются: мол, от хорошего руководителя люди не бегают, а уж коли случилось такое, так и ты, Иван Степанович, в этом деле тоже не посторонний.

Легче говорить о текущих хозяйственных делах. — Как нынче коровка, Иван Степанович, телится? — Да ведь оно, как сказать... При нынешних строгостях, хоть яловая, да телится. Она, скотина, может, и не в настроении, но выдти теленка, и весь разговор... В общем и целом — телится.

Следует заметить, что в этом колхозе был период, когда коровы разучились телиться. Было и еще хуже: когда коровы совсем перевелись. Закупали колхоз по лучшей цене, купил новое стадо коров, а когда подошло время выполнять план мясосопоставок, сдал коров заготовителям, получая деньги, а потом опять стал просить кредиты. Всякое было. Дошли до того, что

ДОКУМЕНТ БОЛЬШОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Закончились переговоры между руководителями СССР и Великобритании. Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев покинули Британские острова, тепло провожаемые английским народом. Нет сомнения, что результаты этого важного международного события, каким являлась поездка, будут долго и оживленно комментироваться всей мировой печатью.

Основа для улучшения англо-советских отношений заложена. Об этом свидетельствует подписанное Н. А. Булганиным и А. Иденом Заявление о переговорах, полный текст которого опубликован во вчерашних ежедневных газетах.

Во время переговоров, протекавших в духе открытости и реализма, было затронуто большинство наиболее актуальных международных вопросов, имел место полный и полезный обмен мнениями. Представители обоих государств признали, что укрепление советско-английских отношений в политической области, в области торговли, науки, культуры и других областях послужит интересам народов этих стран. Такое широкое укрепление отношений будет способствовать упрочению всеобщего мира и безопасности.

Обе стороны провозгласили решимость содействовать дальнейшему уменьшению международной напряженности. Так как в настоящее время между государствами не существует необходимого доверия, представители СССР и Англии выразили решимость всячески содействовать укреплению такого доверия и улучшению отношений между государствами. Они согласились в том, что личные контакты руководителей деятелей, являющиеся одним из лучших средств укрепления международного доверия.

Подчеркнув свое желание освободить народы от угрозы новой войны, советские и английские представители дали обещание сделать все от них зависящее, для того чтобы положить конец гонимому вооружению.

Руководствуясь принципами Организации Объединенных Наций, обе страны провозгласили свое убеждение в том, что основой для дружественного сотрудничества и мирного сосуществования всех государств, независимо от их общественных систем, является уважение национальной независимости и суверенитета, территориальной целостности и невмешательство во внутренние дела друг друга.

Отдельно были обсуждены четыре проблемы: положение на Ближнем и Среднем Востоке, разоружение, развитие советско-британских торговых отношений, дальнейшее развитие связей между СССР и Англией.

Советский Союз и Англия провозгласили обоюдное твердое намерение сделать все возможное в целях поддержания мира и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке.

Что касается проблемы разоружения, то в Заявлении содержится, в частности, такие исполненные важного смысла и значения строки: «Оба Правительства согласились о том, что извлечение человечества от угрозы ядерной войны является исключительно важной задачей. Окончательное запрещение ядерного оружия и направление ядерной энергии исключительно на мирные нужды остается их общей целью, и они продолжают усилить для ее достижения». Оба правительства признали также необходимость незамедлительно предпринять «практические шаги с целью существенного сокращения под належащим международным контролем вооруженных сил государств с соответствующим сокращением вооружений и прежде всего сокращения вооруженных сил и вооружений пяти великих держав».

Обе стороны изъявили желание расширить торговлю между двумя странами. Экспорт, как известно, играет огромную роль в экономике Англии. Поэтому на британские деловые круги не могло не произнести сильного впечатления предложение Советского Союза расширить в течение ближайших пяти лет закупки в Англии до суммы приблизительно 1 млрд. фунтов стерлингов. Разумеется, эти закупки могут быть осуществлены лишь при отсутствии ограничений и дискриминации в торговле.

С удовлетворением встретили англичане и советские люди Заявление о дальнейшем развитии связей между их странами. В этом Заявлении, в частности, говорится, что оба правительства считают желательным оказывать «гражданам каждой страны всемерную помощь в ознакомлении с опытом и достижениями другой страны в области литературы, живописи и скульптуры, театра, музыки, кино, радиовещания и телевидения, а также в области науки, техники, образования и здравоохранения». Развитие подобных контактов — превосходное средство для укрепления взаимопонимания между народами. А взаимопонимание — одна из гарантий мира.

Значение визита Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева выходит за рамки одних только англо-советских отношений. Это вклад в дело упрочения мира во всем мире.

В ДУХЕ ДОВЕРИЯ

ЛОНДОН. 27 апреля. (По телеграфу). В 14 часов 15 минут крейсер „Орджоникидзе“ отшел от пристани Саут Рейлвейз Джетт в Портсмуте. На флагштоке сигнальной вышки порта Портсмут были подняты сигнальные флаги: «До свидания, ставшего пути». Крейсер „Орджоникидзе“, на борту которого находятся советские руководители Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев, взял курс к советским берегам.

Советских гостей тепло приветствовали и на вокзале в Лондоне, откуда отправился специальный поезд в Портсмут, и в самом Портсмуте. На перроне лондонского вокзала «Виктория» находились премьер-министр Великобритании сэр Антони Иден, министр иностранных дел Сельва Ллойд, морской министр лорд Биллингем, государственный министр по иностранным делам лорд Реддинг, посол Великобритании в СССР У. Хейгер и старшина дипломатического корпуса в Лондоне посол Норвегии Пребенсен.

В своем прощальном заявлении перед микрофоном Н. А. Булганин сказал: «В результате наших переговоров создаются новые условия для дальнейшего улучшения отношений между нашими государствами. Открываются более широкие возможности для развития сотрудничества как в политической, так и в экономической областях, для развития культурных и научных связей. Наиболее ценным, что характеризовало наши переговоры, был дух доверия, которое так необходимо для решения неурегулированных международных проблем».

Наши переговоры показали, что между Советским Союзом и странами Запада может быть достигнута договоренность на базе принципа мирного сосуществования, что мирное сосуществование между государствами с различными общественными системами не только возможно, но необходимо и полезно для народов».

Британский премьер-министр А. Иден также выступил с заявлением перед микрофоном. «Я хочу поблагодарить вас за терпение и упорство, — сказал он, — которые вы проявили при выполнении столь трудной, по моему мнению, и утомительной программы. Между нами велся продолжительный разговор. Я не сомневаюсь, насколько в том, что они были полезны для отношений между нашими двумя народами и для дела мира во всем мире. Благодарю вас за то, что вы приехали к нам, и желаю вам приятного путешествия на родину».

Английская общественность приходит к единодушному выводу: переговоры в Лондоне способствовали укреплению англо-советского сотрудничества. Как ни стараются в некоторых кругах здесь и за океаном умалять значение встречи советских и английских государственных деятелей, обозреватели признают наличие согласия по ряду обсуждавшихся вопросов. Дипломатический обозреватель «Таймс» пишет, в частности, что «визит советских руководителей в Англию, несомненно, был ценным».

Английская печать, комментируя окончание англо-советских переговоров, отмечает, что они велся в открытом и дружественном тоне. «Достигнуто согласие в определенных пределах. Надежда на новое англо-советское взаимопонимание», — так озаглавила свое сообщение «Дейли мей». Политический корреспондент «Дейли экспресс» пишет: «На переговорах достигнута некоторая степень согласия... Насколько мне известно, русские до некоторой степени пошли навстречу точке зрения англичан...».

Атмосфера, царившая в Англии в эти дни, говорит о том, что миллионы простых мужчин и женщин глубоко и настояще стремятся к миру, к устраниению недоверия между отдельными странами. Эти настроения определяют отношение к приезду советских гостей, хотя, надо сказать, немало было сделано, чтобы воздействовать в отрицательном духе на общественность Англии.

(Окончание на 4-й стр.)

Секрет Илько Белаша

ЕСТЬ на Украине замечательная женщина — престарелая и популярная поэтесса Фросина Андреевна Карпенко. Ее стихи публикуются в периодической печати, передаются по радио, исполняются на концертах. Живет она в селе Хороше Петропавловского района, Днепропетровской области. Прошлым летом с Карпенко произошло несчастье. Об этом рассказано в письме, недавно пришедшем в редакцию. Автор его, переписывающийся с Карпенко, приводит отрывок из ее письма:

«...Свой пятидесятилетний юбилей я «отметила» переделом ноги. Мазала вечером зернохранилище и упала с лестницы. Участвовал врач наложила шишу. На следующий день на попутном самовале, возившем уголь в нашу МТС, добралась до районной больницы. Перелом по признаку, потому что остротой невнимательно. Ногю пекло нестерпимо. Я умоляла помочь чем-нибудь, а районный хирург сказал, что и шишу-то не надо ставить. «Отчего оно так пекет?» — говорил он. — Подумайте, какая хрупкая!». Спрашиваю, что делать дома с ногою, а он только рукой махнул.

Стали просить оставить в больнице на день-два, пока боли пройдут. Но никто и слышать не хотел. Спасибо тогда начальнику почты оказался чутким человеком — помог мне вернуться домой на почтовой машине. Двадцать семь дней я лежала дома, больше не стало мочи. Вызвали участкового врача. Он дал направление в Днепропетровск, и опять горе: до города от нас сто сорок километров, а тут прошел дождь, попутная машина шла больше суток.

Когда была на рентгене, врачи три раза переспрашивали, когда случился перелом, удивлялись, что столько времени я пролежала без всякой помощи. Оказалось, что перелом внутри коленного сустава. Меня положили в больницу. Теперь туго болит ногу, но боюсь, не останется бы инвалидом.

Отношение ко мне в колхозе такое, как во всем колхозникам, — не хуже и не лучше. За эти полгода никто из нашего колхозного руководства ногою не ступил в мой дом.

Недавно я вернулась из села Хороше, куда выехал по заданию редакции в связи с письмом о Ф. А. Карпенко. О том, что я услышал и увидел там, хочется рассказать подробно.

Фросина Андреевна Карпенко — депутат районного Совета, во главе исполкома которого стоит бывший председатель колхоза Ефим Иванович Ромашенко. Уж кто-кто, а он прекрасно знает Фросину Андреевну. Но ни сам Ромашенко, ни другие депутаты не навестили ее за время долгой болезни.

А разве райисполком не обязан был помочь Карпенко, позаботиться о путевке на курорт — даже если бы пострадавшей была не женщина, которой гордится Украина, а рядовая колхозница? Но... этот вопрос на обсуждении райисполкома не стоял, поскольку жалобы-то не было!

А как могло случиться, что руководители колхоза и Хорошевской МТС, находящейся в трехстах метрах от хаты Карпенко, не смогли предложить пожилой женщине с переломом ноги никакого другого транспорта, кроме самовоза?

А отношение районного хирурга, в течение месяца не вспоминавшего о больной?

ИСТОРИЯ с Ф. А. Карпенко — не случайность. В Петропавловском районе, славящемся на Днепропетровщине (а Днепропетровская область — на всю Украину) высоким уровнем механизации сельскохозяйственных работ, не умеют, к сожалению,

По следам одного письма

нико, совмещать заботу о машинах с заботой о людях.

В районе до сих пор ходят рассказы о председателе колхоза «Большевик» Илько Белаше. Человек этот погиб в войну, под Сталинградом много лет назад, но помнит его до сих пор весь район. Не был он Героем Социалистического Труда, колхоз не сдвигал сверхрекордными урожаями, а просто был Илько Белаша хорошим, бескорыстным, душевным человеком. Говорят, не было дня, чтобы председатель не заходил в хаты колхозников. Вдовы, сироты, старики были у него всегда с хлебом да под крепкой крышей. Дисциплина в колхозе была образцовая. И какой бы год ни выдался, трудодень был полным весом.

Видит председатель, бывало, парнишка из школы в ранном пижамчике бежит, остановит: «Чей?», «Что с мамкой?». А в вечеру, глядишь, — в хату к ним. Врачом он не был, а прошивал ноци возле больницы. Так рассказывают о Белаше и добавляють обычно: «знал секрет».

Этот «секрет» в районе позабыли. А потому случаи с Карпенко никого не возмущают, не обеспокоили. И, видимо, поэтому, когда я изложил цель моей командировки секретарю Петропавловского райкома партии тов. Годуну, на губах его возникла скептическая улыбка — секретарь не верил, что причиной командировки московского корреспондента могло быть такое, по его мнению, пустяковое дело...

Фросину Андреевну мы застали в прихожей, — сидя на стуле, она месила в старом тапу глину, должно быть, собралась поздравлять хату. Она встретила секретаря райкома без смущения. Пригласила в горницу. Там было холодно, хотя потолок низко нависал над головой, а крохотные окошки были наглухо заделаны соломой.

Только одно, выходящее во двор, было оставлено для освещения. Фросина Андреевна вошла, опираясь на палку. Оказалось, что отечность не проходит и появились боли ниже перелома.

Беседа шла легко. Карпенко ни на что и ни на кого не жаловалась. Секретарь начал сам:

— Кабанчика, значит, нет! Ну, этим уж я займусь.

— Что вы! И не вздумайте, — всполошилась Фросина Андреевна. — Липкая слава за этим кабанчиком поплзет. Не давайте такую наду из меня, прошу вас!...

Много интересного узнали мы в тот день с секретарем райкома. Познакомились с дневником Карпенко, который она вела во время Отечественной войны. Изюна в день до последнего часа войны записывала она свои наблюдения и мысли в толстую тетрадь, которую хранила в печном дымоходе. Так мы заглянули в прошлое.

...Когда волна гитлеровского нашествия докатилась до села, Фросине Андреевне исполнилось тридцать шесть лет. Муж ушел в армию. Она осталась одна с детьми на руках.

С этого времени и начинается ее литературная биография. Сначала она только смотрела, смотрела, жав зубы и улыбки. Потом начала действовать. Пошла на работу в поле искать листовки, сброшенные советскими самолетами, робко показывала подругам-солдаткам первые свои частушки, в которых издевалась над местными изменниками. Женщины переписывали эти частушки и ночью расклеивали по селу. Скоро вся деревня напевала ее песни, призывавшие бороться с неволей. Так Фросина Андреевна стала поэтессой.

В 1950 году вышел первый сборник ее стихов и песен, в 1953 году — второй. Сейчас она готовит третий.

Мы познакомились с обширной перепиской, которую ведет Карпенко. Из школ, городов и сел, воинских частей люди обращаются к ней за советами, делаются впечатлениями о ее стихах. Пишут профессиональные актеры, исполнители ее песен сообщают об успехах их у слушателей...

На обратном пути секретаря долго молчал, а потом, грузно повернувшись ко мне и, видно, продолжая свои размышления, сказал:

— Глядите, какова она, эта Фросина Карпенко! Тоже «секрет» знает. Видите, как за свою честь вступилась! А у нас был такой случай. Второй секретарь райкома распорядился три десятка абонентов от электросети отключить — это чтоб в его квартире напряжение не падало. Его паном стали звать, а она и ус не дает.

Мы помолчали. — Нехорошо получилось с лею, — продолжал секретарь после паузы. — Да, Илько Белаша не оказалось среди нас... История с Карпенко будет наукой!

В Петропавловском районе много говорят о «работе с людьми»: «не работаешь с людьми», «мобилизовать людей», «руководить людьми» и т. д. Но редко услышишь другое: «заботиться о людях, знать, как они живут, в чем нуждаются, есть ли у них теплое, как одеты их дети, как помогают больным и старикам». С Фросиной Карпенко тоже «работали» — пока она была трудоспособной колхозницей. А вышла из строя, стала инвалидом — «работав» с ней кончилась. За полгода болезни никто не помог ей, не ободрил ни словом, ни советом.

Но ведь у Карпенко не только сильные, умелые рабочие руки, — у нее дар поэта, она создает стихи — стихи, которые иногда скорее поднимают людей на большие дела, чем заседания и резолюции. Но на ее стихи некоторые люди смотрят здесь, как на детскую забаву взрослого человека.

Я размышлял над всем этим, сидя в кабинете самовоза, увозящего меня в Днепропетровск. Там мне предстояла встреча с руководителями областного отделения Союза писателей. По выбитой дороге машина шла почти боком. Передние колеса — по глубоким колеям, а задние — по чокчавой обочине. Тресло так, что, казалось, машина прыгала по ребристой железной покрывке. Да, проехать сутки по такой дороге, и еще с переломанной ногой, может только очень сильный человек.

В ОТДЕЛЕНИИ Союза писателей в Днепропетровске удалось застать только секретаря партийной организации тов. Залату. Рассказ о Карпенко он выслушал, закрыв лицо руками.

— Мне стыдно за все это, — сказал он. Он рассказал, что Карпенко хотя и долго не принимали в Союз писателей, но все же приняли. Однако оформление затнулось более чем на год и до сих пор не закончено...

Словом, и в Днепропетровском отделении Союза писателей Украины не постигли того «секрета» отношения к людям, который был известен председателю колхоза Илько Белашу.

Ег. ФЕДОРОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Помощница
Фотозюда В. Леонова

Литературная хроника

♦ **Первый выпуск.** Вскоре состоится первый выпуск слушателей Высших литературных курсов, созданных при Литературном институте. Курсы кончат сорок писателей, представляющих более 20 национальностей литературы нашей страны. За два года обучения слушатели получили теоретическую подготовку, выросли в творческом отношении. Многие из них за это время написали новые художественные произведения.

Объявлен очередной набор на Высшие литературные курсы; принимаются члены Союза писателей, плодотворно работающие в литературе.

♦ **Комиссия по литературному наследству И. Бабеля.** По решению секретариата Союза писателей СССР образована комиссия по литературному наследству И. Бабеля. В состав комиссии вошли К. Федин (председатель), И. Эренбург, А. Леонов, А. Славян, Г. Мунбарт, С. Гехт, А. Пирожкова.

♦ **Творческий семинар.** В Ростове-на-Дону состоялся двухдневный семинар, в котором участвовало более 40 молодых авторов Каменской и Ростовской областей. Обсуждены: роман журналиста Н. Маринкина, повесть заведующего кафедрой Новочеркасского политехнического института Е. Перова, стихи И. Ковалевского, поэма поэта романистичка-ленинградца А. Кукушкина, повесть А. Алексеева.

♦ **Либретто оперы «Мать».** В Центральном доме литераторов состоялось обсуждение либретто оперы «Мать», написанного А. Файко. Была прослушана также музыка нескольких картин и сцен из оперы в исполнении композитора Т. Хренникова.

♦ **Гражданская поэзия Франции.** На собрании Московской секции переводчиков зарубежных литературы обсуждалась недавно вышедшая сборник «Гражданская поэзия Франции» в переводе П. Антокольского. Было отмечено высокое качество перевода, в частности «Марсельеза» и «Карманы» — стихотворений Барбье, Гюго, Рембо, Арагона, Элюара. Выступавшие выразили пожелание, чтобы аналогичный сборник был издан на французском языке.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«СОН В РУКУ...»

Фельетон «Сон в руку...», опубликованный «Литературной газетой» 10 апреля с. г., обругался на бюро ЦК КП Латвии. Министру промышленности мясных и молочных продуктов Латвийской ССР А. М. Гравитиано указано на то, что он совершенно не принял мер к предотвращению незаконных операций по приобретению «ЗИМ». Заместителю министра А. В. Майнзту за незаконное приобретение автомашин объявлен выговор.

В 1955 году в серии «Школьная библиотека», выпускаемой Музгизом, вышла книга Т. Поповой «Мусоргский». Общезвестны трудности, встающие перед авторами научных и популяризаторских работ. И упреки и издевательства в этой области должны быть рассмотрены критикой внимательно и квалифицированно. Так следовало рассмотреть и работу Т. Поповой, заслуживающую в целом положительной оценки.

Следует отметить то положительное значение, которое имела для данной книги исследовательская работа ее автора. Т. Попова конкретно показывает, какие жанры народного творчества бытовали на родине Мусоргского. Ее, к примеру, удалось установить характер выступлений псковских раёвников, что позволило наглядно выявить народные истоки сатирического «Райка», созданного гениальным композитором.

Однако в журнале «Советская музыка» (№ 2 за 1956 год) появились рецензия, судящая о данной книге тенденциозно и однобоко.

Рецензент Н. Михайловская ошибочно представляет себе состояние русской общественной мысли в шестидесятых годах XIX века. Известно, что в передовых кругах того времени имела распространение та точка зрения на «освобождение крестьян», о которой пишет Т. Попова: «Из прежней крепостной неволи обезземеленные крестьяне попадут в еще худшую экономическую кабалу». Такого взгляда придерживался Н. Г. Чернышевский. Но рецензент считает, что данная якобы «прямотаки марксистская формулировка» (?) была невозможна в шестидесятых годах.

Основываясь на бесспорных и широко известных данных, Т. Попова отмечает, что участники балакировского кружка читали и обсуждали между собой «Современник», «Полярную звезду», «Колокол», статьи Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского. Н. Михайловская не соглашается с Т. Поповой и пишет: «Совершенно нетипично читать, спросить о том идет речь: о балакировцах или петрашевцах? А школьницам такое «повествование» попросту съезжает с толку; он подумает, что Могучая Кучка ничем не отличается от подпольного марксистского кружка...». Но даже школьникам известно, что чтение статей Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, обязательное для русских марксистов, не являлось все же отличительным признаком марксистских кружков, где более всего изучались работы К. Маркса, его соратников и продолжателей. Статьи Чернышевского и

Большой любовью и заслуженным признанием пользуется в нашей стране творчество великого украинского драматурга, актера и деятеля театра Ивана Карповича Карпенко-Карого (Тобилевича).

Особое место в жизни и творческой биографии Тобилевича занимала его усадьба — хутор «Надия» на Елисаветградщине, ныне в Кировоградской области, Больше-Висковского района. Построенная собственными руками писателя, эта усадьба, по словам его жены, всегда была для него желанной защитой от всех мирских гроз. Здесь были написаны «Хозяин», «Савва Чалый», «Суета». На хуторе подолгу гостил М. Кропивницкий, Н. Саловский. Был тогда здесь хорший обычай: каждый гость обязан был приходиться в память о своем пребывании дерево в парке. Растут и теперь еще могучие деревья, посаженные М. Кропивницким, М. Занковецкой, П. Саксаганским.

В летнее время на хутор «Надия» приезают многочисленные экскурсии со всей Украины. В августе минувшего года хутор посетил майор Советской Армии Н. Колпачков, живущий в Свердловске. Еще во время войны он видел пьесы Тобилевича в одном из эвакуированных на восток театров и сейчас, пользуясь служебной командировкой в Одессу, завернул в сторону, чтобы побывать там, где все так близко связано с именем автора любимых пьес.

Но вот те, кого служебное положение обязывает следить за сохранением памятников нашей культуры, относятся к хутору с удивительным равнодушием. В книге для записей впечатлений экскурсантов содержится единодушные требования привести в

Добролюбова не могли читаться в кружке Петрашевского по той простой причине, что этот кружок был разгромлен до того, как началась публицистическая деятельность Чернышевского и Добролюбова, и это должно быть известно школьникам, а тем более совершеннолетним читателям.

В рецензии есть несколько верных замечаний. Приводим наиболее существенное: «Для книги Т. Поповой характерен недостаток, который встречается во многих биографических пьесах, фильмах и книгах: все ее герои (и особенно Стасов, Балакирев и сам Мусоргский) говорят по-резоонерски гладко и поучительно — прямыми цитатами из статей и писем, механически превращая речь письменную в прямую, устную». Но даже этот недостаток не мешает рецензенту оценить книгу, как написанную «довольно живо и просто».

В подавляющей же части критика рецензента оказывается несостоятельной. Так, Н. Михайловская пишет: «Трудно, например, согласиться с теми замечаниями, большая часть неприязненных, которые приносятся в книге Т. Поповой на долю А. Серова (стр. 106, 182)».

Открываем страницу 106 и читаем: «Композитор Серов, не раз уже наשמилво о замывающих в печати о произведений балакиревцев, был глубоко потрясен, услышав в одном из концертов «Светик Завишну», «Ужасная стена. Это Шекспир в музыке», сказал он». Очевидно, что здесь нет «приязненных» замечаний Т. Поповой во адресу Серова. Нет таких «замечаний» Т. Поповой и на стр. 182.

Можно было бы привести и другие примеры, показывающие недостаточную квалифицированность рецензента, ее тенденциозный подход к книге Т. Поповой. К сожалению, такие рецензии нередко встречаются в журнале «Советская музыка». Именно потому, что рецензия Н. Михайловской представляет собой не случайное, но характерное явление, показывающее отношение журналов «Советская музыка» к музыкальным работам, мы считаем необходимым указать на недопустимость подобной критики.

Народные артисты СССР, доктора искусствоведения Р. ГЛНЭР, А. ГОЛДЕНВЕЙЗЕР, Доктора искусствоведения Ю. КЕЛДЫШ, И. БЭЛЗА, Вас. ЯКОВЛЕВ, Профессор И. РЫЖКИН.

Кандидаты искусствоведения: К. УСПЕНСКАЯ, Н. ТУМАНИНА, О. ЛЕШАВЕВА.

Может быть, довольно «изучать»?

В порядке усадьбы в разрушенную могилу похороненного здесь И. Тобилевича. Этот ясный вопрос в течение десяти лет «изучается» Министерством культуры УССР, Кировоградским обкомом КПУ и областным Советом депутатов трудящихся. А тем временем разрушается дом, где жил писатель. Несколько лет назад с семейного кладбища Тобилевича снята металлическая ограда и перенесена к помещению сельсовета.

Общественность глубоко возмущена таким положением. Неоднократно о хуторе «Надия» писали «Кировоградская правда», «Радянська Украина», «Правда Украины», «Литературная газета» (Киев), но дело попрежнему находится «в стадии изучения».

Как не вспомнить телеграмму В. И. Ленина А. В. Луначарскому. В трудном для молодой Советской республики 1918 году Владимир Ильич писал: «Сегодня выслушал доклад Виноградова о бюстах и памятниках, возмущен до глубины души; мыслями ничего не делается; до сих пор ни единого бюста, исчезновение бюста Радичева есть комедия. Бюста Маркса для улиц нет, для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано».

Может быть, довольно «изучать»? Не пора ли объявить хутор «Надия» государственным заповедником и немедленно начать работы по его восстановлению?

Поэт академик Максим РЫЛЬСКИЙ, Народный артист СССР Гнат ЮРА, Кандидат филологических наук Л. СТЕЦЕНКО

Романтика борьбы

Добролюбов как-то заметил, что не следует судить художественное произведение по первому впечатлению, что чем скорее и стремительнее высказываются впечатления, тем чаще оно оказывается поверхностным и мимолетным. Вряд ли можно этими справедливыми словами великого нашего критика объяснить и оправдать медлительность в оценке романа Сергея Крушинского «Горный поток».

Прошел год, как в четырех номерах журнала «Знания» (№№ 1, 2, 3, 4 за 1955 год) был напечатан этот роман, а критика все еще не сказала своего мнения об этом большом и, скажу заранее, еще далеко не совершенном, но во многих отношениях примечательном и интересном произведении.

«Горный поток» — роман о знаменитом словачком народном восстании против гитлеровских оккупантов, роман о дружбе свободоловных народов, крепнущей в борьбе с фашизмом.

Выбор темы для Крушинского не случаен — он был очевидцем этого знаменательного события в горах Словакии осенью 1944 года.

В «Горном потоке» читателю открывается широкая картина жизни словачского народа. Писатель делает глубокий социальный разрез словачского общества периода второй мировой войны. В то время маршетоном «независимым» словачским государством правила по указке из Берлина фашистская клика.

Автор разоблачает самую суть кликашского словачского фашизма, скрванного по образцу светского германского. Глава государства — католический папист Тиссо. Его окружают премыкающиеся перед оккупантами министры, сановники фашистской партии и монашеских орденов, заводчики и бургомистры, пишущие сельские джентльмены в черных тройках тяжелого покрова, владеющие лучшими землями и поместьями. Народ стонет от гнета немецких сановников и «своих», словачских захребетников.

Лагерь словачских фашистов противопоставлен труновому народу — рабочим и крестьянам, батракам, солдатам. Борьба этих двух лагерей затрагивает все стороны жизни героев Крушинского, их судьбы.

Кроме этого, в романе действуют люди промежуточного лагеря, это колеблющиеся интеллигенция, обществу. Наиболее отчетливо настроился этого лагеря

выражает старый учитель гимназии Людвиг Завадил, идеалист и либерал, всегда погруженный в горестные размышления о судьбах своей родины, но желающий быть в стороне от политики.

Чтобы предотвратить грозящую развязку, фашистские правители не останавливаются перед самыми свирепыми карами — арестами, расстрелами, высылением из пределов страны. В распоряжении Тиссо — столичная армия, многочисленная тайная агентура и жандармерия, и все-таки он не может справиться с растущим сопротивлением народа. Советские армии находились в предгорьях Карпат, когда в горах Словакии вспыхнуло народное восстание против немецких и словачских фашистов.

Писатель показывает, как народное восстание приводит в движение долоте дремавшие силы. Рабочие цементного завода поднимаются против хояина-фашиста, а крестьяне захватывают помещичье имение. Когда партизанский отряд крестьянина Штрабуна овладевает городком Банской Быстрицей, к восстанию примыкают солдаты и офицеры словачской армии. В результате восстания на большой территории Словакия фашизм перестал существовать, и по воле народа формируется новая власть.

С интересом читаются страницы о первых днях восстания — «период Ста фатов», — они показывают страстное стремление восставшего народа к победе.

Но лагерь восстания не представлял единой сплоченной силы. Автор с беспощадной правдивостью вскрывает разлад в среде повстанцев, что помогает понять причины последующего разгрома восстания. Штабники армалды относятся к восстанию, как к чужому делу. Командование армалды во главе с полковником Веняном сдерживает боевую активность солдат. Восстание, как оно сложилось, видимо, не устраивало господ из правительства Венеция, поскольку коммунистам принадлежала в нем слишком видная роль.

Один из руководителей повстанцев, Гладич, говорит: «Мы за восстановление единой республики чехов и словачков, и Венешу это признает. Но мы за новую, а не Венешу Чехословацкую республику, и тут Венеш прикидывается глухим».

Один из главных героев Андрей Гладич так объясняет обстановку своему другу Валушу: «Много неразорных... бестолковых. Здесь, в центре, и на местах. Ничего, что там с Прешовскими дивизиями. Вместо того, чтобы лететь в Прешовщину и

поднять дивизию на восстание, Веняна держит их на запасном пути. Думаю, он и Венеш все еще боятся, как бы невзначай не помочь русским армиям. А в результате, то и гляди, помогут Гитлеру...».

Если бы словацкие дивизии, стоявшие на горных перевалах, открыли советским войскам ворота в Карпатах, сколько жизни советских и чехословацких воинов было бы спасено! Но медлительность Веняна сыграла роковую роль: гитлеровцы разоружили словацкие дивизии и отправили их в концлагери.

Логика борьбы неумолима: или с народом, или против него, — середины нет и не может быть. А Веняна бесконечно колеблется и медлит. Лозунг реакционного общества — «ни поражения, ни победы». Но на войне так не бывает. Если не завоеывается победа, неминуемо приходит поражение.

Положение повстанцев осложняется анархическими действиями таких командиров, как Жиня, бывший полицай, двурушничеством Качки, одного из руководителей партизан. Качка, — пожалуй, наиболее сложный и противоречивый образ в романе — написан мастерски, убедительно. Автор показывает сложный внутренний мир этого человека, его раздвоенную психологию. Когда-то Качка смалозначил на допросе в гитлеровском лагере, стал инстинктом. Приспособленец и хитрый интриган, он боится своего прошлого, внушает себе, что старое похоронено, постоянно отравляет себя ядом собственной жизни.

Читая страницы, повествующие о мужественной борьбе Гладича, Валуша, Штрабуна и козних и интригах Веняна и Качки, читатель как бы видит светлый горный поток, образующий реку, и мутный источник, из коего возникает болото...

Первая книга романа заканчивается полным драматическим поражением повстанцев, но не разгромом, не бегством их, а героическим отходом, — словачские повстанцы уносят знамя восстания в горы. Накануне полного своего разгрома германские фашисты одерживают в горах Словакии последнюю победу, которая давала им жалкую возможность перевести дух.

Известель горечь поражения накануне торжества общей победы — такой была доля словачских повстанцев. Примечательны последние страницы. На рассвете зимнего утра в лагерь повстанцев на Татрах спускается советский парашютный отряд. Он сообщает: советские войска штурмуют Карпаты, идут на помощь словачским борцам за свободу. И у измученных холодами и голодом партизан вспыхивает надежда на близкое освобождение.

«Горный поток» написан с большой

и горячей любовью к простым людям Словакии: к смелому, неунывающему коммунисту Андрию Гладичу, рабочему цементного завода, решительному и волевоному Штрабуну, партизанскому командиру, крестьянину, в первом же бою одержавшему победу над гитлеровским генералом. Читатель проникается симпатией к скромному и мужественному Валушу Валушу, щедро наделенному даром непосредственности и сердечности. Интересно задуман портрет честного, прямолинейного Шведа — руководителя повстанцев.

«Горный поток» наполнен романтикой революционной борьбы, возбуждает у советского читателя симпатию к свободолобному словачскому народу.

В романе Крушинского отчетливо выступают высокая и светлая идея интернационализма, дружбы и братства народов, борющихся против общего врага. В словачком восстании участвуют люди многих национальностей: не колеблясь, отдадут свою жизнь в бою вместе с словаками партизаными русские парни из партизанской бригады Нельчыко, французские патриоты, венгерские и немецкие антифашисты. Дружба народов раскрывается автором в действии, в борьбе.

В этом, по сути, военном романе мало боевых героических эпизодов и сцен. Вместо этого писатель показывает условия, в которых рождается героизм.

Для автора военного романа, и в самом деле, не так уж обязательно описывать, как герой бросается под танк, закрывает грудью амбразуру дота. Но зато для него обязательно мотивировка поведения, раскрытие настроений героя, его психологии, показ условий, в каких рождается подвиг.

В чем, например, героизм Марииши, этой интеллигентной барышни, дочери старого учителя Завадила? Героизм ее в том, что она находит в себе силы поврать с родителями, с женихом во имя борьбы. Мы не знаем, как сложится в дальнейшем судьба Марииши, ее отношения с Валушом, но верим, что Мариаши безоговорочно избрала нелегкий путь борьбы.

Хороши у Крушинского пейзажи Словакия. Читатель видит горные кряжи, бурно врывающиеся в голубой купол небес, вечно шумящие горные потоки, ослепительную белизну деревянных хат, орла над вершиной и овечью отару на склонах ее, выхвачет воздух, вьсунный, как ключевая вода, запах нагретого солнцем камня в горах, запах смолы и сладкого букowego дыма в лесу.

Сергей Крушинский внимателен к деталям: описывая золото поздней осени, он замечает: «Даже дно потока выстлано белыми золотыми плитками затовывших ли-

ствев». Запоминаются картины метели в Татрах — «белой тьмы».

«Горный поток» — жанрово многообразный роман. В нем есть страницы публицистические, помогающие читателю понять связь событий того времени, понять исторические судьбы словачского народа, в нем есть лирические отступления и немало страниц сатирических, причем нередко сатира обострена до памфлета.

Перо сатирика понабилось писателю для изображения мира фашистов, неуточенных шпионов. И надо сказать, что с помощью сатиры Крушинского удалось отчетливо выписать образы врагов, раскрыть их нравственное уродство.

Вот президент Тиссо — затянутый в темную сутану тунный фарас с худлыми руками и розовой шеей. У него крупная, ежиком подстриженная голова, без затылка, как бы стесанная садов, походяжа на уродливый лист кактуса. Этот внешне благодушный человек, добрый католик — воплощение изуверской хитрости и коварства; он вовлек Словакию в гибельную войну на стороне Германии, он послал словацкие дивизии для захвата Польши, он, не колеблясь, подписал списки на уничтожение ста тысяч евреев и цыган (их согнали в Освенцим и Лахву).

Или гитлеровский вершитель судеб Словакии, фактический посол Ганс Лудин — худой и желчный, грубый и прямолинейный. Министр внутренних дел Шано Маха — старый бюста и лизоблюд, уменьшился в разговоре одновременно туловище наклонять в сторону Тиссо, а голову лезть — в сторону гитлеровского посла. Писатель миссионер доктор теологии Кололович, великий проныра, служащий всем не потому, что ему походил тот или иной хозяин, а потому, что он подходил им. Глава американской миссии Робертсон, хозяева которого боится чихота советских войск в Европу и хотят использовать гитлеровцев Тиссо

СТИХИ Дины Терещенко

Стихи говорят сами за себя. И никакие предисловия им помочь не могут, если они слабые. Мне кажется, что стихи Дины Терещенко в предисловии не нуждаются. Я убежден в том, что самая главная задача поэта — стать интересным собеседником для читателя. Дина Терещенко это умеет.

Ее первые стихи меня не очень заинтересовали. Последние два года Дина Терещенко провела в Германской Демократической Республике, откуда привезла новые стихи, которые я и хочу рекомендовать читателю. В них я увидел поэта со своим внутренним миром. И мне захотелось побывать в этом мире.

М. СВЕТЛОВ

Немецкой женщине

Ты посмотри, как дружат наши дети! Как будто в мире не было бед, как будто не было июньских бомб на свете, а только эти майские сады, а только эти детские следы, как хорошо, что дружат наши дети!

Пойдем с тобой седом, фруа Магда, пойдем посмотрим, как там на ветру Весна закружит слух детворы, и никакие сегодня нас не надо, сегодня майский вечер, майский ветер.

Так пусть навеки дружат наши дети! ГДР, 1955 г.

Такое же окно, как на Тверском

Такое же окно, как на Тверском, и тот же день, заснеженный, погожий, зима к воротам катит снежный ком, как на Тверском. Как все это похоже: февральский сумрак, завывшие ветры, и, может, нет меж нами километров, Самой разлуки, может быть, и нет По внешнему согласию примет.

И вот так же, как на Тверском, и тот же день, заснеженный, погожий, зима к воротам катит снежный ком, как на Тверском. Как все это похоже: февральский сумрак, завывшие ветры, и, может, нет меж нами километров, Самой разлуки, может быть, и нет По внешнему согласию примет.

Весенние от счастья облака

В который раз в рассветный час восхода Встречу я цветение земли, в который раз сменились в реках воды, Растаяли снега и вдали ушли, И каждое твоё прикосновение, Весна земли, твой запах, твой приват, Все так же нов, как первое цветенье, И так же мне необходим, как свет.

Сирень

Пять лепестков, как символ счастья... Не в первый раз, не первый день, Пройдя сквозь не одно несчастье, В мое око стучит сирень, Да! Много солнца было надо, Чтоб сад весенний распушится, Чтобы прогнать ограду В лиловых гроздьях задушить... ГДР — МОСКВА, 1956 г.

Вёсны

Холодные ветры подули, Не всех пререкать гудят, Как будто хотят, чтоб вернули Им зиму, Напрасно хотят. Они то орчаль, то выли, То в снежные пеллы плели, Но вёсны и будут и были, Счастливые вёсны земли! ГДР — МОСКВА, 1956 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Марк Маркарян — представитель молодого поколения советской армянской поэзии. Новый ее сборник дает возможность русскому читателю познакомиться с характером ее поэзии, с литературным ростом автора за последние годы.

Родина, любовь, семья — вот основная тематика, определяющая думы и чувства поэтессы. Маркарян не принадлежит к числу поэтов, которые пишут много и обо всем: в каждом стихотворении ее волнует почти одно и то же, но, может быть, именно поэтому это «одно и то же» показано глубоко и тонко.

Лирическая героиня Маркарян — человек со своеобразными чертами характера, с неслегка жизненным путем. Этот путь как бы заново проходит перед нашими глазами: вот она вспоминает свое село, родную природу, друзей детства, товарищей студенческих лет. А вот она — любимая, жена, мать.

Сборник начинается разделом «Родина». С горячей любовью вспоминает поэтесса дом, где родилась. Она знает, что мир велик и есть много домов лучших, чем этот дом ее детства. Но: «Если я, живя далеко, Его забуду, не цени, Вы от меня не ждите проку, Добра не ждите от меня!»

Для лирической героини Марк Маркарян понятие «родина» — всегда очень конкретно. Оно неразрывно переплетается с повседневной жизнью, с непосредственным окружением человека. На Советской Родине живут дорогие товарищи и друзья, делами своими украшающие и возмечивающие жизнь. Замечательны дела этих людей, но сами они скромны, как снег, что, беззвучно падая на землю, поит поля и леса («Снег идет»).

С особым лиризмом говорит М. Маркарян о женщине-матери, которая, «трудясь своих не замечая, весь мир огромный на плечах несет». «Родина-мать» — это часто употребляемые слова М. Маркарян разветвляются в зрелую, волнующую картину: «Сперва ты просто для меня была Моею мамой с теплыми руками, И уменьшалась мир в оконной раме, И я была совсем еще мала.

Затем двор, цветы и ручьи, дорожка, ведущая в школу, мудрые книги, университет, мечты, затем Москва, бескрайняя страна, многочисленные друзья, кипучая социальная жизнь — вот что такое Родина для поэтессы: Ты исподволь вырастала в жизнь мою, И сто дорог вели с тропинки горной, Неизбежно стала ты просторной, Но я тебя повсюду узнаю.

роя, то не поможет никакое формальное мастерство, — поэзия превратится в упражнение по стихосложению.

В первой книге Олега Шестинского «Друзья навеки» немало удачных, по-настоящему поэтических стихотворений о своем поколении — о детстве, студенчестве, юношеской любви. Поэт хорошо чувствует родную природу, хотя в его пейзажах есть налет сентиментальности.

Цельный раздел книги посвящен Болгарии, где поэт, будучи студентом, проходил производственную практику и жил довольно долго. Может быть, по этой последней причине стихи о Болгарии написаны не наспех, вдумчиво, они органичны, их не спутаешь с многочисленными, часто похожими друг на друга «зарубежными диалгами» других поэтов.

Книга «Друзья навеки» радует. Появился новый талантливый поэт. В книге не все, разумеется, равноценно. Есть тут и явная безвкусица, и слабовость, и прозаизмы.

Молодой поэт не удержался от соблазна и включил в книгу, видимо, все или почти все, что у него было. Неприятно удивляют некоторые совсем слабые стихи, особенно когда они стоят рядом с интересными, сильными. Есть и строфы просто бесцельные, как говорится, проходные. Но абсолютное большинство удачных стихотворений помечено 1954—1955 годами, и, наоборот, стихи слабые написаны раньше.

Это явное свидетельство роста и возмужания поэтического таланта Олега Шестинского дает основание надеяться, что следующая книга будет новой удачей поэта.

Константин ВАНШЕНКИН

М. Маркарян — представитель молодого поколения советской армянской поэзии. Новый ее сборник дает возможность русскому читателю познакомиться с характером ее поэзии, с литературным ростом автора за последние годы.

Эти строки выражают творческую позицию Н. Радченко — писать просто и сдержанно, писать о том, что на первый взгляд кажется обычным, «непоэтичным», и раскрывать заключенные в этом обычном серьезные вопросы нашей жизни.

Такое стихотворение «Он никогда не совершил ошибок...» Автор пишет о человеке, с которым «было всем приятно и легко, ибо он «никогда не выступал с протестом, он всех всегда расхваливал сполна». Человек этот старался обходить острые углы, «все страсти комсомольского собрания, участвуя в собрании, миновать». Затем «...он в бой пошел и сдался в плен под Брестом на третий день, как началась война». Поэт заканчивает эти стихи так:

Потом его настиг наш гнев законный. И, может быть, с тех отрезвительных дней я не люблю походить на иконы, старательно прилизанных людей. Интересно стихотворение «Отставник». Здесь речь идет о полковнике, который вышел в отставку — в отставку от выпуклой жизни — и теперь, равнодушный ко всему, козается в собственном садике: «Его не злит, что рядышком в колхозе пьет председатель, скуны трудовая. Он не воюет. Он теперь в обзоре. Под солнцем место, но зато — в тени...»

Неправильно это! И поэт высказывает надежду, что полковник однажды сипку отыщит рынком, нахитит сапоги, наденет китель и несспеша направится в райком.

В сборнике немало стихов, которые очень просто, без громких призывов искоренять зло воюют с этим злом, отстаивают принципы советской жизни, отстаивают священные для нас, что дрались революционеры (поэма «Огонек») и солдаты Отечественной войны («Дождь»).

Тем обиднее, что у И. Радченко есть стихотворения («Уходит судно», «Жода пробьет твои мгновенья», «Новогодний огонек») неоригинальные, торопливые, небрежные — и по мысли и по «оформлению».

С. КРЕТОВА

Искусство борется Недавно вышел в переводе на русский язык две книги из итальянского кино — «Сила кино» Карло Лидзани и «Итальянское кино» Лунджи Кьярини и «Искусство», 1956.

У МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

У воспитанников Московского художественного института имени В. И. Сурикова сейчас много работ. На днях начнется экзаменационная сессия. Надо выполнить последние задания по скульптуре, живописи, графике. В мастерских идет сосредоточенная работа.

На снимке: студент-выпускник Б. Горбунов у своей дипломной картины.

Международные связи советских литературоведов

Все больше людей за рубежом интересуются современной жизнью, культурой, историческим прошлым нашей страны. Внимание многих зарубежных ученых привлекает русская классическая литература. Последние время заметно оживилось общение между советскими литературоведами и исследователями других стран.

М. АЛЕКСЕЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР

Искусство борется Недавно вышел в переводе на русский язык две книги из итальянского кино — «Сила кино» Карло Лидзани и «Итальянское кино» Лунджи Кьярини и «Искусство», 1956.

Искусство борется Недавно вышел в переводе на русский язык две книги из итальянского кино — «Сила кино» Карло Лидзани и «Итальянское кино» Лунджи Кьярини и «Искусство», 1956.

Искусство борется Недавно вышел в переводе на русский язык две книги из итальянского кино — «Сила кино» Карло Лидзани и «Итальянское кино» Лунджи Кьярини и «Искусство», 1956.

Искусство борется Недавно вышел в переводе на русский язык две книги из итальянского кино — «Сила кино» Карло Лидзани и «Итальянское кино» Лунджи Кьярини и «Искусство», 1956.

В ДУХЕ ДОВЕРИЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Накануне приезда Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева многие реакционные политические организации (в особенности антисоветские настроенные эмигрантские круги) развернули кампанию ненависти и враждебности. Организаторами митингов и демонстраций, они рассылали в различные редакции демагогические письма и использовали закулисные связи, добываясь опубликования враждебных Советскому Союзу переводов статей в английских газетах. В ходе этой пропагандистской кампании они старались повлиять на консервативную и на лейбористскую партию, в особенности на последнюю.

Надо сказать, однако, что в численном отношении эти силы незначительны. Что же касается их влияния, то оно распространяется только на круги, весьма далекие от народных масс. По существу, выходы реакционных элементов не заслуживают даже упоминания, они неизменно толкают в море теплых, дружеских чувств, проявлявшихся повсюду, где только появлялся Булганин и Хрущев.

Показательно и то, что широкие круги английской общественности с большим осуждением отнеслись к поведению некоторых лейбористских лидеров при встрече с советскими руководителями 23 апреля. Большинство газет признало необоснованность выпадов Гейтскелла и других лейбористских руководителей по адресу Советского Союза. За этот инцидент, как известно, ухватились некоторые газеты, стремившиеся во что бы то ни стало отвлечь внимание от того теплого приема, который народ повсюду устраивал Булганину и Хрущеву, отразить ту сердечную атмосферу, которая неизменно существовала правительственным переговорами.

Поведение лейбористских лидеров, однако, ни в какой мере не выразило позиции всей лейбористской партии. По сообщениям печати, широкие круги членов лейбористской партии протестуют против этого. Почти 50 членов парламента — лейбористов подписали письмо, в котором принесли извинения за инцидент, произошедший 23 апреля. В числе лиц, подписавших письмо, — Дж. Силверман, Эмануэл Шингуэлл, У. Уорри, П. Шармер и многие другие. Политический обозреватель «Йоркшир пост» пишет, что это письмо «сравнительно предельно осуждает Национальный исполнительный комитет партии и ведущих деятелей парламентской фракции».

И само по себе то, что Гейтскелл и группа руководителей лейбористской партии после этого посетили отель «Элзвуд» с визитом вежливости, а 24 апреля во время завтрака в палате обидчиков в беседе с Хрущевым Гейтскелл, как сообщает «Йоркшир пост», «выразил сожаление, что их точки зрения разошлись, а также надежду, что в будущем будет достигнуто лучшее взаимопонимание», — весьма показательны.

Я подробно останавливался на этом инциденте, ибо это яркий пример того, как могучие силы доброй воли преодолевают недоброжелательность, существующую еще в определенных кругах. Недооценивать громадную силу доброй воли — значит не понимать обстановку в Англии.

Мало ли лучшее свидетельство симпатии по отношению к Советскому Союзу, нежели многочисленные письма, посланные советским гостям и сору Антонию Идену с пожеланиями успеха переговоров? Некоторые из этих посланий я цитировал в предыдущих статьях. Здесь упомяну еще два письма. Первое послано Национальной женской Ассамблеей. В нем сказано, какие надежды связывают простые женщины Англии с англо-советскими переговорами. В Национальную женскую Ассамблею входит очень много женщин из различных слоев общества, но большинство их — домохозяйки, которые всей душой заинтересованы в обеспечении безопасности и счастья своих семей. Среди подписавших обращение — жены фермеров и шахтеров, работницы промышленности и служащие, домохозяйки, учительницы и многие другие активные деятельницы различных женских организаций.

Второе письмо послано советом профессора Илгина, который представляет девять тысяч рабочих. В этом письме говорится: «Мы горячо надеемся, что в результате визита Булганина и Хрущева атмосфера холодной войны еще более разрядится и будут предприняты шаги для укрепления мира во всем мире, а также меры, непосредственно направленные на расширение торговли между Западом и Востоком. Мы искренне верим, что узы дружбы, связывающие наши страны, могут обеспечить мир во всем мире».

О стремлении к миру, к мирному использованию атомной энергии говорят интерес, проявленный в Англии к лекции советского академика Игоря Курчатова. Его лекция перед 300 английскими учеными в атомно-научно-исследовательском центре в Харуэлле была признана «сенсационной». Курчатова расхвалили пораженной аудитории об успехах Советского Союза в области мирного использования термоядерной энергии. Научные корреспонденты подчеркивают, что это поможет разрешить мировые проблемы получения энергии. «Контроль над расщеплением будет означать, что водородная бомба может быть демобилизована и одета в рабочий комбинезон», — пишет научный корреспондент «Ньюс хроникл».

Газеты, однако, ни словом не обмолвились о том, что вопрос о выборе, который должно сделать человечество, сейчас острее, чем когда бы то ни было: либо продвижение за счет мирного использования водородной энергии, либо страшнейшее разрушение в результате военного применения водородной бомбы. Значение этого факта в свете англо-советских переговоров очевидно без лишних слов.

Всеобщий интерес сегодня привлекало заявление советских руководителей, зачитанное Н. А. Булганиным на пресс-конференции перед отъездом из Лондона. «В результате нашего пребывания здесь», — говорится в заявлении, — мы убедились в том, что английский народ не хочет войны, стремится к миру, к раз-

В ДНИ ПРЕБЫВАНИЯ В АНГЛИИ ПРЕДСЕДЕТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Н. А. БУЛГАНИНА И ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Н. С. ХРУЩЕВА. На снимке: советские гости в Лондоне на пути следования к отелю Кларидж. Снимок из английской газеты «Дейли геральд».

витию хороших отношений с советским народом. Мы с большим удовольствием расслыжем советскому народу об этих наших впечатлениях и уверены, что они вызовут у него ответные чувства симпатии к народу Соединенного Королевства».

Далее Н. А. Булганин сказал: «По прибытии в вашу страну мы выразили надежду, что наш визит сюда и встреча с членами английского кабинета будут содействовать дальнейшему ослаблению напряженности в международных отношениях, установлению большего взаимопонимания и дальнейшему улучшению отношений между нашими странами. Мы можем сейчас сказать, что не обманулись в своих надеждах. Опубликованное сегодня совместное Заявление о советско-английских переговорах является документом большого политического значения. Можно не сомневаться, что это Заявление будет приветствоваться все, кто заинтересован в дальнейшем ослаблении международной напряженности, в установлении доверия между государствами».

Известной мере серьезные разногласия и достичь положительных результатов по важнейшим вопросам как англо-советских отношений, так и по другим международным проблемам. «Во время наших переговоров Н. С. Хрущев и я, — сказал Н. А. Булганин, — от имени Советского правительства пригласили г-на премьер-министра принять с визитом в Советский Союз. Г-н премьер-министр принял это приглашение. Ввиду того других обязательств, время приезда пока не установлено. Мы уверены, что приезд в нашу страну сэра Антонию Идена будет иметь важное значение для дальнейшего улучшения англо-советских отношений, будет способствовать также ослаблению напряженности в международных отношениях».

Трудно сразу же после окончания переговоров в Лондоне охватить все связанное с ними. Несомненно одно: встреча руководителей двух великих держав окажет благотворное влияние на англо-советские отношения и сделает перспективы мира гораздо более реальными.

Филипп БОЛСОВЕР, английский журналист.

Наши встречи с премьер-министром и членами английского правительства, как справедливо указывается в совместном Заявлении, протекали в духе откровенности и реализма. Это позволило нам широко обменяться мнениями как по вопросам советско-английских отношений, так и по некоторым актуальным международным проблемам, в том числе Европы и Азии».

Н. А. Булганин подчеркнул, что при наличии доброй воли и с учетом взаимных интересов сторон можно преодолеть известные серьезные разногласия и достичь положительных результатов по важнейшим вопросам как англо-советских отношений, так и по другим международным проблемам. «Во время наших переговоров Н. С. Хрущев и я, — сказал Н. А. Булганин, — от имени Советского правительства пригласили г-на премьер-министра принять с визитом в Советский Союз. Г-н премьер-министр принял это приглашение. Ввиду того других обязательств, время приезда пока не установлено. Мы уверены, что приезд в нашу страну сэра Антонию Идена будет иметь важное значение для дальнейшего улучшения англо-советских отношений, будет способствовать также ослаблению напряженности в международных отношениях».

Трудно сразу же после окончания переговоров в Лондоне охватить все связанное с ними. Несомненно одно: встреча руководителей двух великих держав окажет благотворное влияние на англо-советские отношения и сделает перспективы мира гораздо более реальными.

Филипп БОЛСОВЕР, английский журналист.

ФЕЛЬЕТОН

«Настоящим я, нижеподписавшийся член Союза советских писателей, Лев Кассиль, проживающий в Москве, находясь в здравом уме и твердой памяти, свидетельствую, что в субботу 21 апреля 1956 года, в 23 часа 30 минут, в гостях у гражданина Н., недавно въехавшего в новую квартиру на шестом этаже дома, расположенного в застраиваемом районе города, пользующемся внезапно наступившим в столице кратковременным потеплением и выйдя на балкон, обращенный к еще не застроенному пустырю, лично наблюдал появление в небе летающих предметов типа блюдец. Этому предшествовал сильный шум над нами. Предметы следовали один за другим, общим числом два, в направлении на зюйд-зюйд-вест, имели форму правильных дисков, с замкнутыми круглыми плоскостями углублением в одну сторону, и излучали бледное сияние в ночном небе».

Сначала это явление изучается, но я своим долгом уже сейчас немедленно сообщить о нем мистру Джемсу Сильвестру Ригбергу (Нью-Йорк, Третья авеню, № 1597), владельцу книжного магазина и признанному руководителю штаба «летающих блюдец», как величает его в статье, напечатанной в мартовском номере американского журнала «Сатэрдей иннинг пост», «для Джеймса Ригберга мировое пространство — всего-навсего большие задувки». Магазины Ригберга на Третьей авеню «представляет собой, главным образом, своеобразное бюро по межпланетной разведке. С помощью своей жены он ведет карточку всех данных относительно незнакомых проистежений, о которых ему докладывают по телефону или в письменном виде наблюдатели, небес со всех концов страны».

Вот, например, «семейство Дж. Саттона из города Келли (штат Кентукки) должно начальнику полиции Расселу Гринуполу, что оно видело пятнадцать лет назад странного вида существ, спускавшихся по трапу межпланетного корабля, который приземлился на участке фермы. В сообщении говорилось, что корабль имел форму вагона и что он сверкал, точно огненный шар».

Это и множество других подобного рода сообщений напечатано в журнале, который мистер Ригберг издаст под названием «Новости о летающих блюдах». Правда, находятся люди, вроде министра авиации Дональда Куорласа, которые официально заявляют, что «проверка сообщений о летающих блюдах», проводившаяся на протяжении восьми лет, не подтвердила их существования». Но мистру Ригбергу это не обескураживает. Наоборот: «В ту же неделю, когда было опубликовано это заявление (речь идет о заявлении министра авиации), сбыт товара возрос на 40—50 процентов», — сообщает он.

А товар в лавке мистера Ригберга действительно ходит! Например, «масло Каифи, священное благовоние, применявшееся египтянами, чтобы болеть солнцем Ра мог влиять на них и наставлять их на путь истинный», — 1,5 доллара за флакон. «Масло Ван-Ван, колдовская смесь, оберегающая от злых духов», — 1,1 доллара за флакон. Младшие талисманы для обнаружения являющихся сокровищ, «всепобеждающие травы Тай Джон» средство успеха в любви и бизнесе все это по весьма сходной цене. И все это ставлено на строго научную ногу.

Вот, например, мистер Ригберг, Маргарет, имеет ученую степень «метафизического практика новых идей». И, таким образом, она мало в чем уступает своему просвещенному супругу, который прошел курс заочного обучения в Индианаполисе и является счастливым обладателем трех ученых степеней — доктора метафизики, доктора психологии и доктора божественных наук.

Но истинный путь к успеху и процветанию мистру Ригбергу начертало само небо. Однажды, окончив работу, он вышел на улицу и, как он сам рассказывает, «случайно поднял глаза к небу». Он увидел на высоте примерно одной мили темный круглый, дискообразный предмет». «Я попробовал», — продолжает Ригберг, «сделать моего спутника свидетелем этого факта, но он был греком и не понимал, о чем я говорю».

Со спутником-греком мистер Ригберг так, видно, и не договорился. Зато он быстро нашел общий язык с членами многочисленного «клуба летающих блюдец», которые глубоко волнуют вопросы, связанные на планете в витринном магазине на Третьей авеню: «Что такое летающие блюды? Прибыли ли они из мирового пространства? Как они летают? Дружелюбны они или враги? Был ли установлен с ними контакт? Если да, то кем?».

Копия этого плаката была расклеена по всему Нью-Йорку. Да и не только Нью-Йорку. Да и не только Нью-Йорку.

Ах, да, хорошо, что напомнили! А то, чего доброго, мистер Ригберг поспешит в своем журнальчике опубликовать наше сообщение в качестве очередного доказательства своих космических «достоинств». Дело в том, что я уже давно не отправил свое блюденное reliably Дж. С. Ригбергу, но в последнюю минуту мне позвонил мой друг Н., тот самый, с которым мы в субботний вечер наблюдали летающие блюды, и шумно разъяснил мне, что ему стали известны через управдома некоторые подробности о происхождении загадочных блюдов. Да, то были блюды, и они действительно летали! Но происхождение их было вполне земным (Дулевский фарфоровый завод), а назначение резко семейное... Блюды вылетали из квартиры верхнего этажа, где в это время спали супруги с детьми, а также в комнате нашего балкона, блюды тарелись в воздушном пространстве над задувкой...

Я готов тотчас же принести свои извинения мистру Ригбергу и всем читателям, невольно введенным мною в заблуждение.

Лев КАССИЛЬ

НА ВТОРОМ СЪЕЗДЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Четвертый день работы съезда был днем, посвященным художественной прозе. Критик Франтишек Бурианек выступил с докладом о проблемах современной чешской прозы, а словацкий писатель Владимир Минчак сделал доклад на тему «За правдивость и яркое отображение нашей действительности».

Чешский критик высказал ряд интересных мыслей о творческом подходе художника к жизни. Он говорил о своеобразном «почерке» таких писателей, как Мария Пуйманова, Вацлав Ржежач, Ян Драг, Иржи Марек. В стиле и языке художественного произведения, утверждает докладчик, проявляются не только творческая сила автора, но и его слабость, неуровневость, неопытность. Тяжеловесность описания, растянута и невыразительность повествования, унылое многообразие — неизбежные пороки нетворческого, «фотографического» подхода к сложным процессам духовной жизни человека. Талант не может существовать и развиваться, не обладая такой силой, как воображение, творческая фантазия. «Я не решился бы утверждать, что это качество совсем отсутствует у наших авторов», — говорит Ф. Бурианек, — но оно явно держится на слишком короткой узде...».

Для словацкой прозы, сказал В. Минчак, последние два года были годами неуверенности. «Мы навязывали своим героям такой путь в жизни, который не волновал даже нас самих, причем все сводилось скорее к решению более или менее занимательных политических уравнений, чем к изображению личной судьбы живого человека. Так терялся не только индивидуальный характер героя, терялся и индивидуальный подход автора к этому герою. В литературных обиход прочно вошли три стандартных типа героев: положительный, отрицательный и колеблющийся. Они, возможно, типичны для наших книг, но отнюдь не для жизни!» — восклицает Минчак.

Как и многие писатели, выступавшие до него, Минчак говорит об общественной миссии писателя-борца, о долге художника перед народом. И прежде всего, подчеркивает он, писателю, если он хочет быть выразителем общественного сознания, передовых идей своего времени, нужно выигнать

в марксистско-ленинское учение всем сердцем и умом, всеми чувствами. В четверг «героем дня» на съезде была драматургия. Доклад Милошлага Стегалика о творчестве чехословацких драматургов нашел живой отклик среди участников съезда. Мы обогатили за прошедшие десять лет традиции нашей драматургии, отметил докладчик. Пьесы о людях созидательного труда, о всех событиях народной жизни увидели свет лампы. Стелдуж говорит далее о прелестных, встречающихся на пути авторов пьесы. Он критикует театральное и драматургическое совета, который часто навязывал автору «поправки», лишь портящие пьесу.

Драматург — не равнодушный зритель в жизни, а непосредственный участник борьбы народа, — подчеркивает в заключение своего интересного доклада М. Стегалик. «Исходить из жизни и возвращаться в жизнь» — этим творческим лозунгом должен руководствоваться каждый чехословацкий драматург в своей работе.

Своеобразный диалог завязался на съезде вокруг сатирического жанра. Поэт Сергей Михалков говорил о нем, как об очень дефицитном писательском средстве. Писатель Ян Мареш, в свою очередь, отмечал, что пора восстановить этот жанр во всех правах литературного гражданства. Сатириком нужно пожелать больше озорности и смелости. Сейчас же получается так, что народ в своей критике переживает в сознании и бытии, недостаток, теневого стороны нашей жизни оставляет сатириков далеко позади.

За последние два дня работы съезда широко развился фронт творческой дискуссии, в которой уже приняла участие десятка писателей. По словам Милошлага Ириша, «в зал заседаний вовлекала сама жизнь, которая ждал, чтобы чья-нибудь уста говорили за нее». Участники этой дискуссии ведут откровенный обмен мнениями по наиболее творческим вопросам и делятся своими раздумьями о месте писателя в строительстве новой жизни, резко критикуют бюрократические методы руководства, чиновничий подход к явлениям литературы и искусства.

Проблемы, которые волнуют чехословацких писателей, волнуют и зарубежных гостей. Об этом говорил в своем большом выступлении Борис Полевой, рассказавший о том, какой горячий отклик находят у советских людей произведения чехословацкой литературы и искусства.

— Я имел счастье быть гостем и на Первом съезде чехословацких писателей. Миную всего несколько лет, но какой большой путь прошла за эти годы чехословацкая литература!

Советские писатели все вместе и каждый в отдельности, — продолжает В. Полевой, — делают для себя, для своей творческой работы глубокие выводы из решений XX съезда КПСС.

Некоторые западные критики — я сужу по впечатлениям от недавней поездки в Италию — именно в эти дни с особенным усердием распространяют искаженные представления о принципе партийности в литературе, о социалистическом реализме как творческом методе. Иные даже «дружески» рекомендуют нам отказаться от этого метода. Но живой опыт — опыт советской литературы и писателей многих других стран — говорит, что молодая литература социалистического реализма здравствует и набирает новых сил. Сама жизнь показывает, что метод социалистического реализма открывает безграничные возможности для творчества.

Высокая идейность, при многообразии жанров и богатстве форм, все больший простор для мысли и фантазии, для личной инициативы и индивидуальных вкусов и склонностей — так понимаем мы наши идейно-творческие принципы. В Советском Союзе живут и плодотворно работают, например, такие несхожие по своим творческим устремлениям поэты, как Суриков, Твардовский, Мартынов, Исаковский, Бирсанов. Это очень разные поэты, но все их объединяет одна цель — служение стихом народу.

Переводные писатели всех стран, — говорит в заключение В. Полевой, — в том числе и чехословацкие художники слова, развивают и совершенствуют метод социалистического реализма. Они вносят немалый вклад в литературу, которая видит свое высшее призвание в служении народу.

С речами на съезде выступили румынский писатель Демостене Ботез, болгарский писатель Младен Исаяев, албанский писатель Александар Вануши, венгерский писатель Тибор Барабаш, корейский писатель Хан Мен Чхон.

Сегодня на съезде продолжается прения. А. ТЕРТЕРЯН, специальный корреспондент «Литературной газеты» ПРАГА, 27 апреля. (По телефону)

Обретенная родина

В центре Бреста мы увидели двух молодых людей, разговаривавших с высокой, стройной девушкой на испанском языке. Мы познкомили. Молодые люди представились: — Белевец Виталий... — Белевец Василий...

Затем один из них познкомил нас с девушкой: — А это Либерта Чернуха... Девушка засмеялась и сказала с сильным акцентом: — Либертад — это свобода. Мое имя... Понимаете?

И снова быстро заговорила по-испански. Один из братьев перевел: Либертад принят извещением, что будет продолжаться беседа по-испански, и сомнительно, она еще не разговаривает на своем родном языке.

Не зная языка и тем не менее считая его своим и родным — все это может показаться читателю не совсем обычным. Но так оно в самом деле и есть. Несколькими часами спустя нам, например, представили еще одного молодого человека, чье имя в сочетании с отчеством и фамилией прозвучало так: — Луис Лукчи Старцун...

Луис Старцун тоже плохо знает родной язык. Но зато его родственники и еще добрых три десятка местных жителей, с которыми мы познакомились, великолепно говорили и по-русски и по-белорусски и вместе с тем непринужденно изъяснялись на испанском языке.

Либертад Чернуха

В чем же дело, откуда здесь, в Бресте, такие познания в испанской речи?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассказать о событиях более чем двадцатилетней давности. Западные области Белоруссии находились тогда под владычеством панской Польши.

...В одной хате жили три взрослых брата и четыре сестры. Спали вповалку на земляном полу, едва прикрывшись обветшалой одеждой. В семье не было даже обычных крестьянских раздоров: братья добровольно соглашались отдавать сестрам клочки своей земли, но куда податься самим? В Варшаве, в Кракове, Лодзи — тысячи безработных...

Поэтому с нетерпением дожидались они появления человека в черном пальто и черном котелке, ходившего по селу на хаты в хату. Он шел голый портянкам с зажатой в руке сигаретой и рассказывал удивительные вещи в дальних странах, где иногда не бывает зноя, где одежда люди носят только для приличия; а брошенное в землю зерно произрастает через месяц десятью стеблями. Эти страны лежали за океаном и назывались — Аргентина, Парагвай, Уругвай...

в тех краях голод и безработица? Чело- век в котелке насмешливо говорил сестрам: «Странные люди ваши братья, не верят собственному счастью».

Затем — распродажа на скорую руку всего, что только можно продать, покупка «шифратора» на проезд (маленькие дети, слава богу, не в счет), и Иван Белевец с женой и двумя малышами и еще тысячи таких, как он, людей отправились за океан в трюмах полугрузовых пароходов.

У некоторых, как, например, у отца Либертад Льва Ильича, судьба складывалась по-иному. После трех лет, проведенных в Гродненской тюрьме за революционную деятельность, он вынужден был покинуть родную землю. Отправившись в Аргентину, рабочий Лев Чернуха не питал никаких иллюзий, как, впрочем, вскоре же распространился с ним и крестьянин Иван Белевец.

На далекой чужбине уроженцы Западной Украины и Западной Белоруссии десятилетиями не теряли связи между собой, ни на минуту не расставались с мечтой о возвращении на родину.

Они образовывали товарищества, землячества, клубы, выпускали на скудные, по гроше собранные средства газеты, в которых рассказывали правду о своей родине. В 1947 году многие из них стали советскими гражданами. Они продолжали жить в Буэнос-Айресе, Росарио, ожидая часа возвращения домой.

Вот и ответ на вопрос, почему сегодня в Бресте десятки людей свободно говорят по-испански.

Как же они живут теперь, на родной земле, что делают, каковы их планы на будущее?

Получают они квартиры или комнаты преимущественно в новых домах. Всем оказана денежная помощь на обзаведение мебелью и другим имуществом.

Мы побывали в семье Ивана Антоновича Белевца. Он поступил в мебельную артель. Младший сын — Василий второй месяц учится в местной автошколе, получает стипендию и скоро станет шофером. Старший сын — Виталий — тоже студент, но ему придется сейчас решить довольно сложный вопрос. В Аргентине, с трудом урывая деньги, он несколько лет учился в частной школе игре на аккордеоне. Сейчас он платный аккомпаниатор.

Луис Лукчи Старцун с женой Марией Сергеевной и дочкой Олей

паниатор, в самодеятельном ансамбле песни и танца. Но как быть дальше: продолжать учение, попробовать поступить в музыкальное училище или возвратиться к стольному делу? Этого он еще не решил.

— Москва, Литгазета. Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-16-23, издательство — К 4-11-68, Коммутират — К 5-08-00.

Новую квартиру получил и Лев Ильич Чернуха, работающий слесарем-водопроводником. Либертад учился на первом курсе статистико-математического факультета, и сейчас в семье обсуждается вопрос о том, как продолжить ее образование.

Луис Старцун работает фотографом. Недавно у него произошло радостное событие: здесь, в Бресте, родилась дочь. Ее назвали Ольгой.

Брест, его городские организации и его жители тепло встретили новых горожан. Правда, сразу же пришлось приступить к поиску квартиры, найти работу по желанию и способностям. «Наших аргентинцев», как шуточно называют их в Бресте, с радостью принимают, например, белорусские колхозы. Но большинство бывших крестьян давно стали рабочими, по преимуществу столярами, краснодеревщиками, обойщиками.

Закончу этот репортаж описанием сны, которая произошла при мне в квартире старца Сергея Кореньевича Корнилюка. В середине нашего разговора раздались осторожный стук в дверь.

— Кто там? — спросила Анига, младшая дочь Корнилюка.

— Отвори, увидишь и обрадуешься... — раздался за дверью густой бас. Это был Пинголь — его старый друг по скитаниям и работе в Аргентине. Он только что приехал из Одессы, куда при-

был на аргентинском океанском пароходе «Энтре-Риос» вместе с 780 возвращавшимися на Родину советскими гражданами. Через два часа Пинголь уезжал в родной Кобрин.

Иван Павлович Пинголь

— Да останься же с нами хоть на праздники, — просили его Корнилюки.

— Да что вы, что вы! — басил Пинголь. — Такой зарок я себе дал — 1 мая обязательно должен свратить дома, в Кобрине. Поймите — двадцать пять лет не был дома!

А. ГАЛИНСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты» БРЕСТ. (По телефону)

Фото А. Узлана